

БЫЛОЕ И ДУМЫ О НЕМ ДОЛГИМИ БЕССОННЫМИ НОЧАМИ... (ЦЕЛИНА РОДНАЯ, ВОТ ВЕДЬ ТЫ КАКАЯ!)

Вспоминает **Кожевникова Рита** :

Наш курс был сформирован в конце лета 1959 года, по завершении вступительных экзаменов (при конкурсе почти 10 человек на место) выпускников школ, «производственников»*, и «дембелей», т.е. парней, отслуживших в армии. При общем количестве принятых на **физический факультет МГУ** около 450 человек мы были распределены по 2 потокам. К большому сожалению, вряд ли удастся найти данные о процентном выражении этих 3-х «ареалов», хотя по данным нашей 116 группы (куда были включены выпускники школ сплошь с золотыми и серебрянными медалями), на школьников приходилось около 60%-65%. Был среди нас и 1 иностранец, из Египта. Не менее интересны были бы данные и по республикам и по территории самой России. Увы, теперь уже трудно найти такого энтузиаста, который пойдет поднимать архивы тех далеких лет. Одно знаю точно, что не интересовало нас в те прекрасные годы юности ни кто какой национальности, ни откуда он приехал и тем более какой его материальный уровень. Ну не было такой проблемы!! И когда сейчас слышишь о «еврейском %», то невольно удивляешься, так как с такими «яркими» фамилиями только в нашей группе было никак не меньше 10%... Вот только не интересовало это никого из нас, т.к. дружили мы совсем «без связи с национальным вопросом». Кстати, женского состава были те же 10% и вот это волновало нас, так как наши мальчики быстренько «пошли на сторону», поскольку на занятиях и в библиотеках в те далекие времена больше учились, чем завязывали романы (к счастью, любовь не больно-то нас спрашивала...)

Учиться на физическом факультете всегда было трудно, но очень интересно. Блестящие педагоги щедро делились с нами знаниями и опытом. И как скоро выяснится, не только на занятиях.

Однажды к нам на урок войдут 2 старшекурсника (Леня Бруднер и еще кто-то) и расскажут нам о трудностях тех замечательных людей, которые добровольцами поехали осваивать целинные земли в Казахстане, и что физики, в свою очередь, организовали в помощь им студенческие строительные отряды. А закончил свое выступление Леня вопросом: «Кто из нас видел звезды размером с кулак и слушал под куполом ночного неба 1 концерт Чайковского?» От желающих поехать на целину не было отбоя. Тогда мы еще не знали, что вместе с нами поедет и часть наших педагогов, которые продолжают посвящать нас в нашу бесконечно любимую физику, рассказывая нам у ночного костра о ее безграничных возможностях, подготавливая нас таким образом к будущему выбору кафедр, (который студенты делали уже на 3 курсе), за что им низкий поклон и вечная благодарность.

Подготовка к летним строительным работам началась где-то с середины весны (естественно, без отрыва от учебы) и заключалась она в посещении курсов штукатуров для девочек и курсов строительных работ для мальчиков. Ведущие наши организаторы из наших же студентов в эти месяцы вели огромную работу (и тоже без отрыва от учебы, но осваивая методику сна в несколько минут!) не только по приобретению проектов жилых домов, коровников, свинарников и т.п., но и по выбиванию в министерствах того, чем строить, из чего строить и кто будет кормить эту ораву юных желудков в нашем лице, а также где эти строительные новобранцы будут жить 2-3 летних месяца. Никто ни на кого не надеялся и за все это приходилось биться! Конечно, основная масса (как и автор

этих строк) об этих “битвах” практически ничего и не знала, но готовилась к строительству тоже вполне добросовестно.

“Отгремела весенняя сессия”, как поется в одной из наших песен, и подошел день отъезда! Все мы собрались на перроне Казанского вокзала, было нас жутко много (человек 200-250), было жутко весело и очень жутко шумно. Кто-то что-то говорил, вроде бы играла музыка (?), провожающих было или столько же или еще больше. Иностранные студенты, лишённые этой экзотики, очень завидывали нам, а мы ждали только одного – прощального гудка! Уже по вагонам звенели песни, где под гитару, а где и без нее, но везде с азартом первооткрывателей!! Юность-юность, как ты прекрасна в любом своем проявлении...

По-моему, уже в поезде мы были распределены по совхозам и отделениям далекого Булаевского района Казахстана. И уже в поезде мы ехали, отчаянно соблюдая принятый ранее на одном из комсомольских собраний «сухой закон». Впрочем, в те далекие годы на физфаке с его очень непростой учебной программой с алкогольным пристрастием было не так уж и много, а уж среди девочек и подавно. Я уже не могу вспомнить сколько суток мы ехали, когда и чем питались, но то удовольствие, с каким мы с моей любимой подружкой Ритулей Пузино пели в тамбуре вагона «Гляжу-гляжу без усталости в вагонное окно» я буквально ощущаю, как-будто и не промелькнуло той полсотни лет, которая навечно разлучила так многих из нас. Светлая им память...

Высидевшись из поезда в незнакомом городе Булаево, совсем не столичного вида, мы слегка притихли, наблюдая как группа за группой грузились на грузовые машины и исчезали из нашего поля зрения. Затем оставшиеся человек 70-80 заняли свой транспорт, т.е. очередные грузовые машины, и мы поехали в свой совхоз с тем же названием «Булаево». Нас выгрузили перед огромным ангаром-элеватором и сказали, что именно он и станет нашим домом на весь период строительных работ. Не могу вспомнить были ли уже сооружены нары, на которых предстояло спать нашим мальчикам, но кровати для нас уже стояли и стены из белой ткани отгораживали наш угол от общего помещения. Вряд ли это все подготовили местные жители, пропадавшие на бескрайних просторах местных полей размером с некоторые европейские государства. Думаю, что и об этом позаботились наши бесценные мальчишки-руководители! Рядом стояла походная кухня-вагончик, на которой, совсем уж неожиданно для меня, мне придется работать неделю-другую, так как никто! из студентов не хотел там «убивать время». А рядом с ней уже стояли столы и лавки из свежеструганных досок! Неподалеку находилась конюшня, что привело меня в восторг, так как ехала я на целину с тайной мечтой не только строить дома, послушать 1 концерт Чайковского под небом со звездами с кулак, но и – хоть изредка иметь возможность «промчаться на лихом коне по целинной степи»! Навык верховой езды у меня был, хоть и не очень большой, но на ипподроме (на Беговой) в те далекие и такие демократические времена (в смысле дистанции между средним достатком и ниже среднего на фоне современного расслоения на безумно богатых и безумно бедных) я могла себе позволить взять несколько уроков верховой езды после прочтения книги Елены Петушковой о ее такой увлекательной жизни в мире конного спорта. Правда, лошадь, которую я получу в свое распоряжение, окажется простой сельской клячей, давно списанной по старости с серьезных с/х работ и оставленную только для развоза хлеба по полевым кухням, но и она, все равно представитель этой дивной породы животных, подарит мне не только хлопоты по ее «уводу» с маршрута к пекарне на места строек, но и «пробежки»

по фантастически красивой степи, хоть и не столь отдаленно, как мне хотелось...

Наши строительные группы формировались с учетом учебных групп и с соблюдением принадлежности к потокам. Поэтому мы неплохо знали друг друга, но жизнь изредка преподносила нам крайне непланируемые «сюрпризы». Пока женский состав дружно месил резиновыми сапогами смесь глины с навозом (так называемый саман) для обмазки стен домов будущей Университетской улицы, наши мальчики демонстрировали чудеса строительной техники, возводя каркасы будущих «коттеджей» буквально на глазах. Лучше бы они это делали не так азартно, так как вскоре мы узнали, что наш любимец комсорг Саша Портнягин, обтесывая топором бревно, повредил мышцу ноги и отправлен в больницу! Подпортив свою строительную карьеру, Саша вынужденно ушел на организаторскую, узнав, что именно эта часть его талантов сослужит добрую службу родному факультету на протяжении многих-многих лет. Кафедра Нелинейной оптики до сих пор вспоминает те светлые годы, когда «Портнягин всем мог помочь»! Сгорел наш Сашенька, прожив всего 50 лет... Светлая тебе память, дорогой! Росли на глазах стены домов, коровников, свинарников, а на кухне назревала гроза! Все рвались на строительные работы, так как там сходу был виден результат, да и сама обстановка была веселей, чем у кастрюль. А тут еще этот безграничный энтузиазм юных строителей, пытавшихся застроить за лето всю целину и в результате возвращавшихся к ужину чуть не в 9 вечера. Опустошив кухонные котлы, народ расползлся по групповым кострам «по интересам» и приступал к потрясающим диспутам по любым мировым и научным проблемам, которые подчас затягивались далеко за полночь, вопреки всем требованиям уйти спать. И откуда только брались эти «тонны сил»! И только бедалаги, работавшие на кухне, продолжали свою «ненавистную» бесконечную работу, терзая свои мозги, чем бы еще накормить эту вечно голодную прорву, отправляясь вместо костров в постель, т.к. утром надо было в 5 ехать за молоком, хлебом и прочим, что через пару часов мгновенно исчезало в тех глотках, которые к тому же еще успевали отпускать бедным поворам кучи ядовитых шуточек типа «не лопайте по стольку, а то в дверь кухни не протиснетесь!» Закончилось это вполне естественно – повара, поперессорившись от обиды со всеми, отказались выходить на кухонные работы и разошлись по строительным объектам. Гром грянул! Но пока об этом знали только наши руководители. Когда ко мне подошел кто-то из них и попросил временно! поработать на кухне, я, как и все остальные, попыталась наотрез отказаться. Не за этим я ехала 5 тысяч км, чтобы каши варить! Разговор был долгим и трудным. В 5 утра меня разбудил дежурный и я поплелась на кухню, где меня уже ждал еще один «жалостливый» – Леша Толстов, мой «однорупник», уже мывший бидоны под молоко. Ну в этом обществе я была согласна и на кухню, так как Леша был не только красавец-мужчина, но еще и веселый человек. А как он пел под аккомпонемент своей гитары! Угроза «массовой голодной смерти» миновала; правда, из-за моей неопытности она чуть не перешла в «локально-кухонную» беду по причине моего просто патологического стремления «всех осчастливить». Я решила порадовать народ домашними оладышками (для сотни человек!). В процессе их жарки на протвнях эпизодически на самой плите (дровяной!) вспыхивали небольшие очажки пламени, которые, естественно, постепенно нарастали, пока не перекинулись однажды на один из протвней. Я с испугу схватила бидон, стоявший рядом, и попыталась залить пламя. но «вода» почему-то «не плеснулась». Я в азарте попыталась «раскрутить» ее и уже в последнее мгновение в мозгах мелькнула мысль, что

она как-то густовата! Бидон рухнул на землю, так как я поняла, что это само подсолнечное масло... Я вылетела из кухни на свежий воздух, чтобы не рухнуть у плиты на пол. Но оладышки я все-таки допекла и вечером выслушала «море спасибо» от своих любимых работяг-однокашников! А сейчас я с тоской и досадой слушаю по нашим и забугорным СМИ о том, как нас «загоняли» на эти стройки, какая жуткая там была обстановка и как мы ненавидим все эти «ужасные» годы. А мы, рвавшиеся туда любой ценой, скрывая свои болячки (и «хвосты»), жили там в состоянии безусловно трудного, но счастья высшей пробы!, потому что трудно найти эквивалент удовольствия видеть счастье в глазах людей, для которых ты строишь жилье. И ездили мы туда, где были по-настоящему нужны, и 2 и 3 сезона, а потом и 10 и 20 и 30 лет спустя! Уже со своими детьми, пытаюсь передать им ту радость «быть нужным своему народу-трудяге», как бы вычурно и напыщенно это не звучало в наше бесконечно прагматичное время, на «знаменах» которого одно слово – личная выгода...

Возвращаясь в наш трудовой лагерь, на кухню в частности, отмечу, что там постепенно все наладилось. Кто-то вернулся на кухню «постоянно», но основная масса стала работать посменно. Гроза местного значения прошла. А улица с дорогим нам именем «Университетская» продолжала приобретать дом за домом. В один из них мы с Ритулей Пузино при поддержке всего нашего звена заложили «Письмо к потомкам». Не знаю, сохранились ли те домики до наших дней. Прошло уже почти пол века и скорей всего там стоят добротные дома с городскими условиями, на что мы все надеемся. Но в нашей памяти то далекое время останется одной из самых светлых страниц.

Жизнь в бригаде шла своим чередом. Но уже надвигалась новая гроза! «Сухой закон» дал трещину, да какую! В таком большом коллективе, естественно, собрались люди разные. Я всегда была противницей делить их на примитивное «хорошие и плохие». Люди «разные нужны, люди разные важны», как учили нас еще в Детском садике... Мы работали по 10-12 часов не потому, что нас «заставляли». Азарт молодых и сильных толкал нас успеть оставить побольше. И в этом мы были едины. А вот право на отдых реализовывал каждый по-своему. На работе не пил (по-моему) никто – травматизм всегда шел рядом с алкоголем, что и было основной причиной принятия «Сухого закона», против чего никто и не выступал и который соблюдали практически все. Но однажды он был все-таки нарушен. Кто-то отметил свой день рождения с бутылкой шампанского. Вспоминаю я эту не столь уж важную историю, естественно, не с целью сказать «ай-я-яй». Меня до сих пор потрясает ее развитие. Прошло собрание бригады, на котором чуть ли не единогласно было принято решение об отчислении нарушителей из отряда с отправкой их домой, в Москву. В наше время (пусть простит меня современная молодежь, если я не права) провинившиеся послали бы всех остальных подальше и уехали бы домой, отдыхать на Канары. Но что-то было в том трудовом энтузиазме тех безвозвратно ушедших лет такое светлое и (простите за пафос) возвышенное, что побудило тех взрослых парней, возможно, прошедших армию, не только попросить у всех своих товарищей прощение, но расплакаться от мысли, что они будут выдворены из этой такой трудной, но чем-то такой прекрасной полосы их жизни...

Напряженный труд на свежем воздухе закалил нас и сдружил на многие годы. Не последнюю роль в этом сыграл один из замечательных наших старшекурсников Юра Гапонов, который подарил нам еще одно счастье – артистическое. Чуть ни половина нашей бригады была вовлечена им в подготовку постановки замечательной студенческой оперы «Дубинушка», авторами которой были Валерий

Сойфер и Валера Канер. Немудреное либретто с хорами и ариями на мотивы широко известных опер, но со специфически физическими текстами легко осваивались нами и расширяли наш песенный репертуар. Первая постановка оперы прошла здесь же, в Булаево, куда съехались наши однокурсники со всех рабочих объектов! Какое это было счастье!!!

Через 2 месяца мы уезжали домой, в Москву, оставив местным жителям целую улицу домов, коровник и, надеюсь, добрую о нас память. Уезжали, уверенные, что обязательно вернемся в эти потрясающе красивые края, но уже старшекурсниками, которые привезут с собой своих младших товарищей, чтобы увидеть ночное небо со звездами с кулак и услышать 1 концерт Чайковского, оставив в подарок очередную улицу, коровник или детский городок или еще что-то очень нужное этим людям.